

А.А. Тимощенко¹✉, О.А. Митько^{1, 2}, А.А. Морозов¹,
В.С. Зубков³, Я.В. Фролов⁴, А.И. Поселянин³,
Ю.В. Тетерин², И.С. Половников^{1, 2}, Р.В. Давыдов^{1, 2}

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

²Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

³Хакасский государственный университет
Абакан, Россия

⁴Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия

E-mail: timoshenkoaleksey@bk.ru; omitis@gf.nsu.ru

Раскопки тесинских и таштыкских памятников на могильниках Сагайская протока 2, 5 и 8

В 2021 г. Сагайским археологическим отрядом ИАЭТ СО РАН проводились раскопки четырех погребально-поминальных комплексов, входящих в зону строительства «Второго пути на перегоне Чартыковский – Камышта Красноярской железной дороги». На площади кургана № 2 могильника Сагайская протока 2 зафиксировано 11 могил. Их погребальный обряд оказался разнообразным: труположения и парциальные захоронения взрослых и детей в каменных ящиках и грунтовых ямах без каменных конструкций. Инвентарь погребений беден – сосуды и два предмета из железа (нож и пряжка). На плитах ящиков обнаружены петроглифические изображения. Среди них выделяется композиция столкновения двух воинов, один из которых стоит на лыжах. На площади «Одиночного кургана Сагайская протока 5» тесинские могилы 1 и 3 были устроены в каменном перекрытии могилы сарагашенского времени. В могиле 1 были похоронены два взрослых человека. Парциальное захоронение (могила 2) выявлено в стороне от них. Исследованные захоронения предварительно датируются в пределах I в. до н.э. – I в. н.э. Помимо погребений на площади раскопа был расчищен участок культурного слоя, содержащий грубо изготовленные каменные орудия из речной гальки, фрагменты костей животных и керамических сосудов с орнаментом, характерным для таштыкской посуды. На площади курганов № 6 (могильник Сагайская протока 2) и курганов № 1 и № 2 (могильник Сагайская протока 8) было зафиксировано 39 объектов, имевших культовый характер. По конструктивному устройству их можно разделить на несколько групп: грунтовые ямы с костями животных и сосудами, перекрытые каменной кладкой; грунтовые ямы с остатками деревянных столбов; грунтовые ямы, в которых обнаружена только каменная забутовка; вкопанные на ребро или поваленные плиты. Особенности керамического материала позволяют отнести их к таштыкской культуре.

Ключевые слова: Республика Хакасия, Аскизский р-н, Сагайская протока, тесинская культура, таштыкская культура, поминальные сооружения, железный нож, сосуды.

А.А. Timoshchenko¹✉, О.А. Mitko^{1, 2}, А.А. Morozov¹,
V.S. Zubkov³, A.I. Poselyanin³, Ya.V. Frolov⁴,
Yu.V. Teterin², R.V. Davydov^{1, 2}, I.S. Polovnikov^{1, 2}

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia

²Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia

³Khakass State University
Abakan, Russia

⁴Altai State University
Barnaul, Russia

E-mail: timoshenkoaleksey@bk.ru; omitis@gf.nsu.ru;

Excavations of the Tesin and Tashtyk Graves at the Sagayskaya Protoka 2, 5 and 8 Burial Yards

In 2021, the Sagai archaeological team of the Institute of Archeology and Ethnography SB RAS excavated four funerary and memorial complexes in the construction zone of the «Second track on the Chartykovsky – Kamyshka stretch of the Krasnoyarsk railway». Mound 2 of the Sagayskaya protoka 2 burial ground contained 11 graves. Traces of diverse funeral rites were noted: intact corpses and partial burials of adults and infants in stone boxes and ground pits without stone structures. The grave inventory is poor - vessels and two iron objects (a knife and a buckle). Petroglyphic images were noted on the slabs of the boxes. Among them, there is a composition of the battle of two warriors, one of whom is on skis. At the site of the “Single kurgan Sagayskaya protoka 5”, Tesinsky graves 1 and 3 were made in the stone ceiling of the Saragash grave. In grave 1, two adults were buried. A partial burial (grave 2) was found at some distance. The burials are tentatively dated to the range of the 1st century BC – 1st century AD. In addition to the burials, an excavation trench was established revealing cultural layer containing roughly made stone tools from river pebbles, fragments of animal bones and ceramic vessels with ornaments typical for the Tashtyk pottery. In the areas associated with burial mound 6 (burial site Sagayskaya protoka 2) and burial mounds 1 and No. 2 (burial ground Sagayskaya protoka 8), 39 cult sites were recorded. By their construction, the sites can be classified into several groups: ground pits with animal bones and vessels under the stone work ceiling; ground pits with the remains of wooden posts; ground pits filled with rubble stones; slabs with the edge dug in the ground or tumbled down. The features of the ceramics make it possible to attribute the graves to the Tashtyk culture.

Keywords: Republic of Khakassia, Askizsky district, Sagayskaya protoka, Tesinsky culture, Tashtyk culture, memorial structures, iron knife, vessels.

В ходе работ Сагайского отряда ИАЭТ СО РАН по выполнению государственной историко-культурной экспертизы земельного участка, отводимого под объект «Второй путь на перегоне Чартыковский – Камышта Красноярской железной дороги», было выявлено четыре погребально-поминальных комплекса гунно-сарматского времени.

Выделение памятников этого культурно-исторического периода связано с изучением двух археологических культур – тагарской и таштыкской. С.П. Теплоухов на основе материалов трех курганов-склепов выделил IV этап курганной (тагарской) культуры [Теплоухов, 1929, с. 49–50]. Позднее С.В. Киселев включил эти курганы и ряд грунтовых могил в III стадию, переходную от тагарской к таштыкской культуре [Киселев, 1949, с. 161–166]. Л.Р. Кызласов уже на гораздо большем количестве материалов обосновал существование тагаро-таштыкского этапа в качестве отдельного периода в истории Минусинской котловины [Кызласов, 1960, с. 24–25, 115]. Однако в науке закрепилась периодизация тагарской культуры, разработанная М.П. Грязновым, заключительным этапом которой является тесинский этап, датируемый II–I вв. до н.э. [Грязнов, 1968, с. 191–194].

В 70-х гг. прошлого века М.Н. Пшеницына, обобщив материалы раскопок Красноярской экспедиции, выделила третий тип погребальных тесинских памятников – впускные грунтовые захоронения в курганах предшествующих эпох [Пшеницына, 1975; 1992, с. 229–230]. Материалы грунтовых могильников были также проанализированы Э.Б. Вадецкой. Она отметила, что эти могилы не имеют с тагарской культурой ничего общего

и предложила называть их инокультурными [Вадецкая, 1999, с. 161–162].

Дальнейшая работа по систематизации и изучению всех ранее исследованных и вновь раскопанных тесинских грунтовых могильников проделана Н.Ю. Кузьминым. Он отметил, что преобладающее большинство впускных могил сооружено в каменноложских и подгорновских оградах, в насыпях сарагашенских и раннетесинских курганов, но принципиальной разницы в погребальном обряде и инвентаре этих впускных и других, сооруженных отдельно, могил нет. В составе всех известных грунтовых могильников Н.Ю. Кузьмин выделил группу (тип I) малых могильников, включающую от 1–3 до 4–8 могил, впускных в насыпи более древних курганов или сооруженных отдельно в примыкающих друг к другу оградах. По его данным, грунтовых могил исследовано более 880 [Кузьмин, 2011, с. 27, 113]. По результатам работ Сагайского отряда в эту группу можно включить курган № 2 на могильнике Сагайская протока 2 и мог. 1–3 на площади одиночного кургана Сагайская протока 5. Отдельно стоит вопрос об объектах, обнаруженных в ходе раскопок кургана № 6 на могильнике Сагайская протока 2, и курганов № 1 и № 2 могильника Сагайская протока 8.

Результаты исследования

Могильник Сагайская протока 2 состоит из 9 отдельных курганов, расположенных по обеим сторонам железной дороги и автотрассы Абакан – Ак-Довуак. Курган № 2 находился в 24 м западнее железнодорожного полотна. Восточную часть

памятника перекрывала высокая растительность, средний ярус которой представлен кустарниками (акация) и яблоневыми деревьями искусственной посадки; западная часть насыпи была подрезана плугом, что привело к изменению ее формы. Западины на поверхности насыпи не прослеживались, в непо потревоженном состоянии зафиксировано несколько мелких вертикально вкопанных плит, из которых лишь одна возвышалась над уровнем современной поверхности на высоту 1,15 м.

В ходе снятия задернованного и гумусного слоев на площади раскопа были обнаружены кости животных, фрагменты гладкостенной керамики и небольшая каменная выкладка, под которой отмечена золисто-углистая линза (объект 1). Центральную часть раскопа занимал обширный развал из пристроенных друг к другу погребальных сооружений (размеры 12 × 8 м) (рис. 1). Всего зафиксировано 11 могил. Их устройство оказалось чрезвычайно вариативным, но при этом соответствующим выделенным для данного культурно-хронологического периода типам: каменные оградки, каменные ящики и грунтовые могильные ямы без каменных конструкций [Кузьмин, 2011, с. 144].

Могила 1 представляла собой каменный ящик (размеры 1,8 × 1,35 м) прямоугольной в плане формы из вертикально установленных плит, ориентированный длинной стороной по направлению северо-восток – юго-запад. В заполнении и на дне обнаружены кости животных и фрагмент бедренной кости человека подросткового возраста.

Могила 2 была расположена в центральной части каменной конструкции и представляла собой прямоугольную в плане ограду (размеры 4 × 1,7 м), сооруженную из пяти массивных плит и ориентированную по линии юго-запад – северо-восток. В южной части могилы было открыто впускное захоронение (*мог. 9*). Каменный ящик (размеры 2,1 × 0,7–0,8 м) с основным погребением располагался ниже впускного захоронения, на глубине 0,9 м. Он был сооружен из вертикально установленных каменных плит и ориентирован по линии юго-запад – северо-восток, дно перекрыто двумя горизонтально уложенными плитками. На них был зафиксирован скелет человека в вытянутом положении на спине, ориентированный черепом в юго-западном направлении. В ногах находился неорнаментированный сосуд баночной формы, два черепа животных и зубы коровы (рис. 2). На двух плитах юго-восточной стороны каменного ящика были выбиты изображения.

Могила 3 примыкала к *мог. 2* с восточной стороны и представляла собой каменный ящик прямоугольной в плане формы из вертикально установленных плит песчаника (размеры 2,4 × 1,5 м), ориентированный длинной стороной по направлению северо-восток – юго-запад. В процессе расчистки каменного заполнения было зафиксировано впускное погребение (*мог. 10*). Ниже него, на глубине 0,7 м были обнаружены костные останки взрослого человека. Сохранность скелета плохая. Предположительно, умерший был уложен на спи-

Рис. 1. Могильник Сагайская протока 2, курган № 2, каменные конструкции могил (вид сверху).

ну головой на юго-запад. В северо-восточной части могилы находился череп животного и неорнаментированный сосуд баночной формы.

Могилы 4 располагалась за восточной стенкой каменного сооружения мог. 3. В заполнении было обнаружено впускное погребение (*мог. 11*). Ниже него еще один каменный ящик (размеры $1,7 \times 1,1$ м), ориентированный так же, как и предыдущие погребальные сооружения. На его дне обнаружены парциальные захоронения двух человек, представленные двумя скоплениями костных останков – в центральной части могилы и в $0,45$ м к западу. Вместе с ними был помещен неорнаментированный керамический сосуд.

Могилы 5 находилась к северу – северо-востоку от основного ряда каменных погребальных сооружений. Грунтовую яму (размеры $0,80 \times 0,60$ м, глубина $0,55$ м) овальной в плане формы перекрывала крупная плита, под которой остатков захоронения не зафиксировано. Предположительно, в могиле мог быть погребен младенец.

Могилы 6 представляла собой грунтовую яму (размеры $1,4 \times 0,70$ м, глубина около $1,15$ м), ориентированную по линии северо-запад – юго-восток, с помещенным в нее каменным ящиком подпрямоугольной формы. На дне могилы зафиксированы кости разрозненного скелета взрослого человека, предположительно уложенного на бок в скорченном положении, и плохо сохранившиеся кости скелета ребенка. Рядом с черепом взрослого найдены фрагменты керамического сосуда баночной формы и два корродированных предмета из железа (возможно, нож и фрагмент пряжки).

Могилы 7, перекрытая плитами песчаника, примыкала к мог. 1. Грунтовая яма подквадратной формы (размеры $1,0 \times 1,0$ м, глубина ок. $0,7$ м). На дне обнаружен скелет ребенка в скорченном положении, ориентированный черепом на юг, и развал сосуда баночной формы.

Могилы 8 (размеры $1,5 \times 1,0$ м) выявлена рядом с мог. 4 и частично перекрывала ее. В заполнении обнаружены зубы и фрагменты черепа животного. На дне находились останки трех человек. Кости двух скелетов представляли собой скопления (парциальные захоронения). Один скелет не потревожен. Первоначально погребенный был расположен в скорченном положении на боку, головой на юг. Под черепом и под тазовыми костями скелета зафиксированы два неорнаментированных керамических сосуда и кости животного (коровы).

Могилы 9 была устроена в могильной яме мог. 2, куда был впущен каменный ящик (размеры $1,2 \times 0,8$ м). В заполнении ящика найдено два детских зуба, небольшой фрагмент кости животного и небольшой керамический сосуд баночной формы.

Рис. 2. Могильник Сагайская протока 2, курган № 2, могила 2, погребение (вид сверху).

Могилы 10 была сооружена в мог. 3. В заполнении каменного ящика (размеры $0,9 \times 0,75$ м) отмечены разрозненные кости скелета взрослого человека, на дне – плоскодонный сосуд. Небольшие размеры могильного сооружения позволяют предположить, что в нем был похоронен ребенок, скелет которого не сохранился.

Могилы 11 также представляла собой впускное захоронение в каменном ящике (размеры $0,85 \times 0,55$ м), помещенном в мог. 4. За его южной стенкой были найдены фрагменты ребер человека, за северной стенкой – фрагменты нижней челюсти.

При весьма скудном наборе погребального инвентаря выделяется серия из девяти (антропоморфных, зооморфных, геометрических) изображений, выполненных в различной технике на плитах каменных ящиков. Среди них интерес вызывают спиралевидные фигуры и рисунки, напоминающие «тесинские лабиринты» [Савинов, 2006]. Особо стоит отметить композицию столкновения двух «разновеликих» воинов, один из которых стоит на коротких лыжах (рис. 3). По мнению Д.Г. Савинова, подобные изображения интерпретируются как мифологизированное отображение реальных событий, связанных с борьбой карасукского и при-

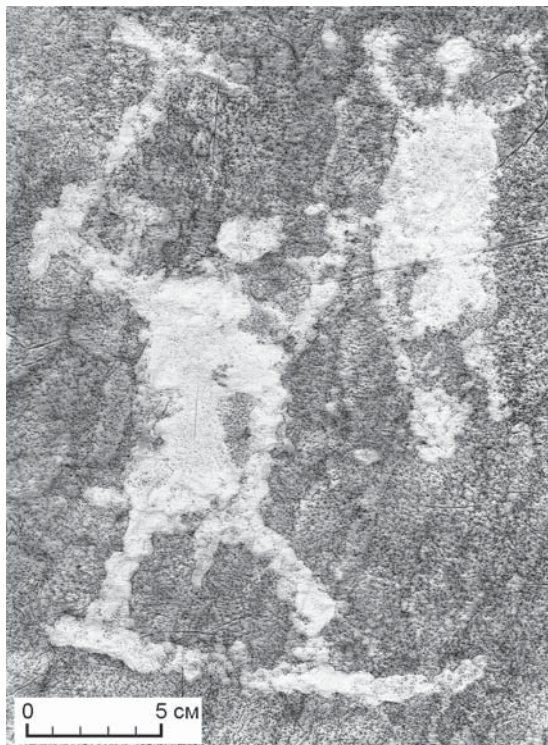

Рис. 3. Могильник Сагайская протока 2, курган № 2, могила 2, плита из стенки каменного ящика с петроглифическим изображением.

шлого тагарского населения [Савинов, 1996]. Образ «лыжника» широко представлен в наскальном искусстве Сибири и Центральной Азии, и обнаруженный в могиле 2 петроглиф дополняет серию известных изображений [Дэвлет, Чжан Со Хо, 2003].

На «Одином кургане Сагайская протока 5» были исследованы погребения, впущенные в перекрытие могилы сарагашенского времени (мог. 4).

Могила 1 обнаружена в центральной части каменной кладки, из крупных плит которой была сооружена конструкция подпрямоугольной в плане формы (размеры 1,7 × 1,1 м). Ящик был заложён плитняком, среди которого встречались разрозненные костные останки скелета человека и животных. На глубине 0,6 м были обнаружены захоронения двух взрослых людей (рис. 4). Погребённый в могиле 1 был ориентирован головой на юго-запад. Дно могилы было не выровнено и, судя по положению скелета, можно считать, что человека поместили в могилу в полусидячем положении с подогнутыми ногами. Погребение 2 располагалось у основания каменной плиты, разделявшей мог. 1 и 3. Скелет находился в вытянутом положении на спине, черепом на запад. У левой берцовой кости зафиксирован сосуд баночной формы, под костями скелета — кости животных.

Рис. 4. Одиночный курган Сагайская протока 5, впускные погребения 1–3 (вид сверху, с северо-востока).

Могила 2 зафиксирована за пределами каменной конструкции. Погребение располагалось на уровне древней дневной поверхности и занимало площадь размером $0,55 \times 0,5$ м. Мелкие кости посткраниального скелета отсутствовали, крупные кости и череп лежали компактно, что позволяет отнести его к парциальным захоронениям. В контрольной бровке также была обнаружена каменная кладка, сооруженная из небольших плит (размеры $0,8 \times 0,9$ м). Под ней были найдены кости человека (позвонок и фаланга пальца руки).

Могила 3 была отделена от мог. 1 массивной каменной плитой. Каменный ящик (размеры $2,2 \times 1,1$ м) ориентирован по направлению восток – запад и заложен крупными плитами. На глубине $0,75$ м выявлен скелет плохой сохранности. Судя по положению костяка, умерший был помещен в могилу, дно которой не выровняли, в скорченном положении на правом боку, головой ориентирован на юго-запад. Выше черепа стоял сосуд баночной формы.

Помимо погребений на площади раскопа был расчищен участок культурного слоя общей площадью $16\text{--}18$ м² и мощностью $0,1\text{--}0,15$ м. Находки составляют фрагменты костей животных, керамических сосудов и каменные артефакты. Судя по форме венчиков и орнаментации, керамический комплекс

состоял из пяти сосудов. Орнамент (незаполненные декором треугольники, насечки, подковообразные фигуры, выполненные зубчатым штампом) находит аналогии в орнаментации таштыкских сосудов [Вадцкая, 1999, табл. 23]. Грубо изготовленные каменные орудия из речной гальки (пест, скребло, крупный скол с режущим краем, камень кубовидной формы со следами обивки) использовались в хозяйственно-бытовой деятельности. Несмотря на свою архаичность, каменный инвентарь использовался в быту тесинских и таштыкских племен [Ковалева, Поляков, Амзараков, 2020].

На площади курганов № 6 (могильник Сагайская протока 2) и курганов № 1 и № 2 (могильник Сагайская протока 8) были зафиксированы объекты, которые можно отнести к культовым. До начала земляных работ курган № 6 представлял собой оплывшую земляную насыпь овальной в плане формы с несколькими горизонтально расположенными на ее поверхности плитами. Он вплотную примыкал к насыпи тагарского кургана № 7 и по результатам разведочных работ был отнесен к памятникам раннего железного века. Однако древней каменной конструкции на месте кургана 6 не зафиксировано. После снятия задернованного и гумусного слоя было выявлено 8 отдельных камней и плит,

Рис. 5. Могильник Сагайская протока 8, курган № 1, объект 16 (вид с северо-востока).

размеры самой крупной из которых составляли 1,2 × 1,3 м. Все они оказались смещенными со своих первоначальных мест, однако взаимное расположение свидетельствует, что плиты составляли протянувшуюся с северо-востока на юго-запад цепочку. Лишь в одном случае рядом с лежащей в горизонтальном положении плитой (объект 2) на дне неглубокой ямки обнаружена расслоившаяся кость животного. Подобные объекты были обнаружены и на могильнике Сагайская протока 8, площадь которого составляла 1 459 м². На современной поверхности какие-либо законченные конструкции не просматривались. Выделялись лишь несколько задернованных камней и две крупные плиты.

Раскопки показали, что в южной части раскопа находилось 19 отдельных объектов, еще 6 в северной части и столько же было открыто на прирезке к северу от общего раскопа. По конструктивному устройству все объекты можно разделить на несколько групп:

– грунтовые ямы подпрямоугольной в плане формы, перекрытые каменной кладкой (6 объектов); дне этих ям помещалась мясная пища и 1–2 керамических сосуда (рис. 5);

– грунтовые ямы с остатками деревянных столбов (5 объектов);

– грунтовые ямы, в которых обнаружена только каменная забутовка (6 объектов);

– вкопанные на ребро и поваленные плиты (14 объектов).

По особенностям керамического материала (форме и орнаментации сосудов), объекты на площади памятника Сагайская протока 2 и 8 могут быть отнесены к таштыкской археологической культуре. В научной литературе подобные памятники принято называть обобщающим термином помины («ямы с приношениями») [Вадецкая, Поселянин, 2015, с. 11].

Заключение

Особенности погребального обряда и сопроводительный инвентарь позволяют отнести могилы на памятниках Сагайская протока 2, 5 к тесинскому периоду тагарской археологической культуры (по М.П. Грязнову) или к тесинской культуре (по Н.Ю. Кузьмину). Они полностью соответствуют выделенным Н.Ю. Кузьминым критериям. В исследованных курганах под сравнительно небольшими по размерам выкладками из плитняка выявлены каменные ящики, внутри и рядом с которыми находились захоронения взрослых и детей. Способы погребений разнообразны. В кургане 5 фиксируются подзахоронения, в одном случае умерший был помещен в наклонном положении у стенки мо-

гильной ямы, встречаются также первоначально нарушенные и частичные (парциальные) захоронения. Погребальный инвентарь беден и представлен в основном глиняными сосудами баночной формы, в то же время показательным культурно-хронологическим маркером являются изделия из железа. В свете современных представлений о хронологии тесинских памятников, исследованные захоронения в каменных ящиках можно датировать в пределах I в. до н.э. – I в. н.э.

Следует отметить, что до начала работ экспедиции ИАЭТ большинство грунтовых тесинских могильников было раскопано в центральных и южных районах Минусинской котловины, примыкающих к долине Енисея. В Аскизском р-не раскопки тесинских памятников проводились в 80-х гг. прошлого века на территории Комсомольско-Есинской оросительной системы, где в пунктах Есино I–IV, XIV, XVIII, Арбан IV, Хара-Хая исследовано более 20 подобных погребений [Савинов, 2009, с. 38–39]. В долине реки Аскиз тесинские памятники были практически неизвестны. Исследованная группа тесинских захоронений на Сагайской поляне расширяет выделенный Н.Ю. Кузьминым район их концентрации между реками Таштып – Тея – Аскиз [Кузьмин, 2011, с. 26].

Что касается поминально-ритуальных объектов на площади памятников Сагайская протока 2 (курган 6) и 8, то полученные материалы не столько решают, сколько еще более усложняют проблему хронологического и культурного соотношения тесинских и таштыкских памятников. Однако это является дополнительным аргументом для их дальнейшего изучения.

Благодарности

Культурно-хронологическая атрибуция и интерпретация материалов археологических полевых работ выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0008.

Список литературы

Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. – 440 с.

Вадецкая Э.Б., Поселянин А.И. Таштыкский погребально-поминальный комплекс Белый Яр 3. – Абакан: Хакасское книж. изд-во, 2015. – 210 с.

Грязнов М.П. Тагарская культура // История Сибири с древнейших времен до наших дней. – Древняя Сибирь: в 5 т. – Л.: Наука, 1968. – Т. I. – С. 187–196.

Дэвлет М.А., Чжан Со Хо. Изображения лыжников в наскальном искусстве Сибири и Центральной Азии //

Археология Южной Сибири. – Вып. 22. – Кемерово, 2003. – С. 59–63.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 364 с.

Ковалева О.В., Поляков А.В., Амзараков П.Б. Поселение позднескифского времени Рошинское-2 // Теория и практика археологических исследований. – 2020. – № 1 (29). – С. 50–70.

Кузьмин Н.Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея. Тесинская культура. – СПб.: Айсинг, 2011. – 456 с.

Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. (I в. до н.э. – V в. н.э.). – М.: Москов. гос. ун-т, 1960. – 198 с.

Пшеницына М.Н. Тесинский этап // Степная полоса Азиатской части СССР в гунно-сарматское время. Серия: археология СССР. – М.: Наука, 1992. – С. 224–235.

Пшеницына М.Н. Третий тип памятников тесинского этапа // Первобытная археология Сибири. – Л.: Наука, 1975. – С. 150–162.

Савинов Д. Г. Минусинская провинция хунну. – СПб.: ЭлекСис, 2009. – 226 с.

Савинов Д.Г. Древние поселения Хакасии: Торгажак. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1996. – 112. с.

Савинов Д.Г. К истории открытия и изучения тесинских «лабиринтов» // Теория и практика археологических исследований. – Вып. 2. – 2006. – С. 254–260.

Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур. Минусинского края. – МЭ. – Т. IV, вып. 2. – Л., 1929. – С. 41–62.

References

Devlet E.A., Chzhan So Kho. Izobrazheniya lyzhnikov v naskal'nom iskusstve Sibiri i Tsentral'noy Azii. In *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri*. Kemerovo, 2003. Vol. 22. P. 59–63. (In Russ.).

Gryaznov M.P. Tagarskaya kul'tura. In *Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremen do nashikh dney. Drevnyaya Sibir'*. Leningrad: Nauka, 1968. Vol. I, chap. 2. P. 187–196. (In Russ.).

Kiselev S.V. Drevnyaya istoriya Yuzhnoy Sibiri. Moscow, Leningrad: AS USSR Publ., 1949, 364 p.

Kovaleva O.V., Polyakov A.V., Amzarakov P.B. Late Scythian settlement Roshchinskoe-2. *Theory and Practice*

of Archaeological Research, 2020, no. 1 (29). P. 50–70. (In Russ.). doi10.14258/tpai(2020)1(29).-03.

Kuz'min N.Yu. Pogrebal'nye pamyatniki khunno-sarmatskogo vremeni v stepyakh Srednego Eniseya. Tesinskaya kul'tura. St.-Petersburg: St.-Petersburg State Univ., Aising Publ., 2011, 456 p. (In Russ.).

Kyzlasov L.R. Tashtytskaya epokha v istorii Khakassko-Minusinskoy kotloviny. (I v. do n.e. – V v. n.e.). Moscow: Moscow State Univ. Press., 1960, 198 p. (In Russ.).

Pshenitsyna M.N. Tretii tip pamyatnikov tesinskogo etapa. In *Pervobytnaya arkheologiya Sibiri*. Leningrad: Nauka, 1975. P. 150–162. (In Russ.).

Pshenitsyna M.N. Tesinskii etap (Tesinsky stage). In *Stepnaya polosa Aziatskoi chasti SSSR v Skifo-Sarmatskoe vremya (Asian steppe zone of the USSR in the Scythian-Sarmatian time)*. Moscow: Nauka, 1992. P. 224–235. (In Russ.).

Savinov D.G. Ancient settlements of Chakasia: Torgajak. St.-Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 1996, 112. p. (In Russ.).

Savinov D.G. K istorii otkrytiya i izucheniya tesinskikh «labirintov». In *Theory and Practice of Archaeological Research*, 2006. Vol. 2. P. 254–260. (In Russ.).

Savinov D.G. Minusinskaya provintsiya khunnu. St.-Petersburg: Elexis Publ., 2009, 226 p. (In Russ.).

Teploukhov S.A. Opyt klassifikatsii drevnikh metallicheskikh kul'tur Minusinskogo kraya (V kratkom izlozhenii). In *Materialy po etnografii*, 1929. Vol. IV, iss. 2. P. 44–45. (In Russ.).

Vadetskaya E.B. Tashtytskaya epokha v drevnei istorii Sibiri. St.-Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie Publ. 1999, 440 p. (In Russ.).

Vadetskaya E.B., Poselyanin A.I. Tashtytskiy pogrebal'no-pominal'nyy kompleks Belyy Yar 3. Abakan: Khakasskoye knizhnoye Publ, 2015, 210 p. (In Russ.).

Тимошенко А.А. <https://orcid.org/0000-0003-2865-0841>

Митько О.А. <https://orcid.org/0000-0002-7741-3167>

Морозов А.А. <https://orcid.org/0000-0002-5545-8356>

Зубков В.С. <https://orcid.org/0000-0002-7505-6231>

Поселянин А.И. <https://orcid.org/0000-0001-9746-9291>

Давыдов Р.В. <https://orcid.org/0000-0001-6580-2811>

Тетерин Ю.В. <https://orcid.org/0000-0001-8248-6689>

Фролов Я.В. <https://orcid.org/0000-0001-7259-2840>

Половников И.С. <https://orcid.org/0000-0002-2654-9283>